Никита Никитин

Хранительница трона. Том второй

https://litres.ru/74799688
SelfPub; 2026

Аннотация

Всякому при дворе известно: девушка, которую привозят во дворец по личному повелению фараона, может быть либо новой наложницей, либо новой бедой. Двор решил, что Мерит - и то и другое сразу.

Старый Рамсес умирает. В доме царских женщин уже выбрали, кто сядет на трон после него, и это не тот, кого назвал сам владыка. Двое царевичей сходятся в учебном поединке, который слишком похож на настоящий. А Мерит должна признать одного из них. Один раз и навсегда, и только от сердца.

Она ещё не знает, что наследника можно обратить в камень. Что сердце живого можно положить на весы раньше срока. Что в зале, где его взвешивают против пера, у подножия сидит зверь, который всегда голоден. И что в клетке под дворцом ждёт казни лучник, который двадцать лет стоял под одним окном и свистел: три коротких, один длинный.

Заговор, суд и казни - всё это было на самом деле и записано на папирусе. Не записано другое: чем платит та, что спускается в ночь за чужим сердцем, и успеет ли она вернуться до рассвета.

Никита Никитин Хранительница трона. Том второй

Никитин Никита Юрьевич

Хранительница трона. Том второй. «Перо Маат»

Глава первая

Восточное крыло

Тридцать первый год правления Рамсеса Третьего. Второй месяц разлива.

Всякому при дворе известно, что девушка, которую привозят во дворец по личному повелению фараона, может быть только одним из двух: новой наложницей или новой бедой. Двор потратил ровно три дня, чтобы решить, кем из двух была Мерит, и решил, что обеими сразу.

Её поселили в восточном крыле. Покои оказались больше, чем весь дом каменотёса Пашеду, вместе с двором, крышей и сараем для соломы. Три комнаты. В первой - стены, расписанные папирусными зарослями, в которых охотятся на уток мужчины в лодках. Во второй - кровать на львиных лапах, с деревянным подголовником вместо подушки, и столик с баночками, назначения которых Мерит не знала. В третьей - каменная плита в полу с желобом для стока воды, на которую нужно было вставать, чтобы служанка поливала тебя сверху

из кувшина.

- Это для мытья, госпожа, - объяснила служанка, увидев, как Мерит смотрит на плиту.

- Я знаю, что это для мытья.

- Простите, госпожа. Я подумала, в деревне моются в реке.

- В деревне моются из кувшина, - сказала Мерит. - Только кувшин держишь сам.

Служанке было лет четырнадцать. Звали её Тамит, что значит «кошка», и Мерит, услышав имя, засмеялась так, что девочка испугалась и чуть не уронила кувшин. Потом, когда Мерит объяснила, засмеялась тоже. С этого часа Тамит считала себя её служанкой, подругой, советницей и защитницей одновременно, и болтала без умолку - обо всех, кто живёт во дворце, кто кому родня, кто кого ненавидит и кто с кем спит. Нехт, слушавший из складок одежды, через два дня объявил, что Тамит знает больше, чем покойная Ият, и что её надо беречь, как глаз Хора.

* * *

Наследник встретил её в первый день, у входа в восточное крыло. При людях.

Он стоял в окружении писцов и стражи, в белой одежде, с золотой лентой на голове, и смотрел на неё тем самым взглядом - ровным, холодным, как на пыль на сандалии. Поклонился ровно настолько, насколько полагалось кланяться дочери каменотёса, которую фараон велел поселить во дворце. Сказал, что её покои готовы, что у двери будет стоять при-

вратник Хаи и что, если ей что-нибудь понадобится, она может обратиться к старшему над восточным крылом. Повернулся и ушёл.

Мерит стояла с корзиной в руках и смотрела ему вслед. Под ложечкой у неё было холодно и пусто.

Привратник с лицом сушёной груши, тот самый Хаи, подошёл к ней и взял корзину.

- Не обижайся на него, госпожа, - сказал он тихо, так, чтобы никто не слышал. - Здесь сто глаз на каждую стену. Если он при всех скажет тебе доброе слово, к вечеру об этом будет знать весь дом царских женщин. А к утру - его отец. - Хаи помолчал. - Он велел передать: книги на столе. И что ты знаешь, где его найти.

На столе в первой комнате, как оказалось, лежали свитки. Пять. Мерит развернула первый и замерла.

Повесть о Синухе. Тот самый рассказ про царского вельможу, который бежал из Египта, прожил всю жизнь среди чужих племён и вернулся домой стариком. Мерит знала его по обрывкам - на свалке у деревни находила черепки с отрывками, переписанными учениками, - но никогда не держала целиком. Второй свиток - сказка о потерпевшем кораблекрушение, про моряка и огромного змея на острове. Её первая прочитанная сказка. Третий - поучения писцов. Четвёртый - любовные песни.

Она развернула четвёртый свиток. Пробежала глазами по строчкам. И нашла.

Сестра моя - как сад, где все цветы...

Дальше было написано целиком. Все цветы. Все до одного.

Мерит сидела на полу посреди огромной комнаты, расписанной папирусами, держала свиток на коленях и не знала, смеяться ей или плакать. Откуда он мог знать? Она ни разу ему не говорила. Ни разу.

- Аменнахт, - сказал Нехт, высунувшись из складок одежды. - Пьяный Аменнахт на празднике долины. Он же рассказывал всем подряд, как ты в детстве таскала черепки со свалки. Я сам слышал.

- А про песню?

- А про песню, - Нехт почесал затылок плёткой, - ты сама сказала. Тогда, в гробнице, когда мы бежали от мёртвой царицы. Ты бормотала её на бегу. Не помнишь? Обрывок. До слова «цветы». Я ещё удивился.

Мерит не помнила. Совсем.

Но он запомнил.

* * *

На третий день к ней пришли с визитом.

Тамит прибежала заранее, задыхаясь, с вытаращенными глазами, и сообщила, что идёт царевна Иситнофрет со своими дамами. Что Иситнофрет - дочь царевны Бакетмут, сестры фараона. Что Бакетмут всю жизнь ждала, что сила Хранительницы перейдёт к ней после старой Хенуттауи, а когда не перешла к ней, стала ждать, что перейдёт к дочери. Что

Иситнофрет - первая красавица дворца и что она хотела замуж за наследника ещё с тех пор, как им обоим было по семь лет.

- Она тебя ненавидит, госпожа, - закончила Тамит с восторгом. - Весь дом царских женщин говорит.

- За что? Она меня даже не видела.

- За то, что ты есть, - объяснила Тамит, как объясняют очевидное.

Иситнофрет оказалась действительно красивой. Высокой, тонкой, с длинной шеей и огромными подведёнными глазами, в платье из льна такого тонкого, что сквозь него просвечивало всё, что положено просвечивать, и кое-что сверх того. На голове у неё был парик из сотни мелких косичек, а поверх парика - маленький конус из ароматного жира, который медленно таял на жаре и стекал по косичкам, наполняя комнату запахом лотоса и мирры. За ней шли пять дам - помладше, попроще, с конусами поменьше.

- Так вот она какая, - сказала Иситнофрет, остановившись на пороге и оглядывая Мерит с головы до ног. Голос у неё был певучим, сладким, как финиковый мёд. - Хранительница трона. Девочка, перед которой склонился бог.

- Здравствуйте, царевна, - сказала Мерит и поклонилась, как учила мать.

- Здравствуй, здравствуй. - Иситнофрет прошла в комнату, не дожидаясь приглашения, и села в единственное кресло. Дамы встали полукругом за её спиной. - Мы пришли

познакомиться. Ведь теперь ты живёшь среди нас. Это так необычно. Мы никогда раньше не видели дочерей каменотёсов. Так близко.

Дамы захихикали.

- Я тоже никогда не видела царевен так близко, - сказала Мерит. - Только на стенах гробниц. Там вы обычно молчите.

Дамы перестали хихикать. Иситнофрет моргнула. Медленно, как моргает кошка, которую неожиданно щёлкнули по носу.

- Как забавно, - сказала она. - У тебя острый язык. Наверное, в деревне это ценится. Там ведь не так много других развлечений.

- Много, царевна. Мы молотим зерно, носим воду, рожаем детей и хороним мёртвых. А по вечерам считаем, на сколько дней хватит пайка. - Мерит улыбнулась. - Очень весело. Особенно когда паёк не привозят полгода.

Тишина. Одна из дам за спиной Иситнофрет вдруг кашлянула, будто подавилась смехом.

Иситнофрет поднялась. Улыбка на её лице держалась, но держалась уже с видимым усилием, как держится конус из жира в полуденную жару.

- Мы ещё увидимся, Хранительница, - сказала она. - Сегодня вечером, на пиру. Госпожа Тийе даёт пир в честь начала разлива. Ты ведь придёшь? Тебе понравится. Там будут музыканты, танцовщицы, гости. И много интересных разговоров. - Она помолчала. - Только не забудь надеть что-нибудь.

Кроме этого платья.

И ушла, шурша льном, в облаке лотоса и мирры.

Тамит смотрела ей вслед с открытым ртом. Потом повернулась к Мерит. Глаза у неё сияли.

- Госпожа, - прошептала она. - Ты знаешь, что ты сейчас сделала?

- Нажила врага.

- Ты её заставила замолчать! Её! Никто никогда не заставлял её замолчать! Даже госпожа Тийе! - Тамит прижала ладони к щекам. - К вечеру весь дом царских женщин будет знать!

- Этого я и боюсь, - сказала Мерит.

* * *

Платье на пир ей прислали из восточного крыла. Без записки, без слов. Просто служанка принесла сложенный лён - белый, тонкий, но не прозрачный, - с узкой каймой, вышитой синими лотосами. И ожерелье из синего фаянса.

- Не сердолик, - отметил Нехт, разглядывая ожерелье с сундука. - Интересно.

- Что интересно?

- Брат подарил красное. А этот прислал синее. - Нехт задумчиво покачал головой. - Синий - цвет неба. И Нила во время разлива. И знаешь, чего ещё? Синий фаянс кладут в гробницы, чтобы мёртвые возрождались. Красный - цвет Сета. Цвет пустыни. И крови.

- Нехт, ты слишком много думаешь.

- Я в золе год пролежал, - сказал Нехт. - Там больше нечего делать.

* * *

Пир давали в большом зале дворца. Мерит никогда не видела столько людей в одном месте, если не считать праздничных шествий, - и никогда не видела столько золота. Оно было везде: на руках, на шеях, в ушах, на чашах, на столиках, на рукоятях опахал. Колонны, расписанные лотосами, уходили вверх, к потолку, синему, усыпанному жёлтыми звёздами. Пахло жареным мясом, вином, благовониями, цветами. Гремела музыка - арфы, лютни, флейты, систры, барабаны. Танцовщицы, совсем юные девочки, почти без одежды, только в поясах из бусин, кувыркались посреди зала, изгибаясь назад так, что касались пола затылком.

Фараона не было. Говорили, что он болен и отдыхает. Во главе зала, в высоком кресле с подлокотниками в виде львиных лап, сидела госпожа Тийе. Улыбалась. Кивала гостям. Пила вино маленькими глотками.

Мерит посадили в самом конце зала, у колонны, рядом с жёнами писцов. Она сидела прямо, как Тазири в лагере, и ни к чему не прикасалась. Ни к вину, ни к мясу, ни к медовым лепёшкам.

- Владычица, - шептал Нехт, - хоть финик съешь. На тебя смотрят.

- Пусть смотрят.

На неё действительно смотрели. Все. Шептались, прикры-

ваясь ладонями. Иситнофрет, сидевшая у самого трона, рядом со своей матерью, старой царевной Бакетмут, бросала на неё быстрые взгляды и что-то говорила дамам, и дамы хихикали. Старая Бакетмут не хихикала. Сухая, с жёлтым лицом, похожая на мумию, которую забыли забинтовать, она смотрела на Мерит не отрываясь, и в её взгляде не было ни насмешки, ни любопытства. Только голод.

Пентавер нашёл её через полчаса. Подошёл через весь зал, на глазах у всех, сел рядом на скамью, будто это было самое естественное место для царского сына.

- Ты пришла, - сказал он, сияя. - Я так боялся, что не придёшь.

- Меня позвали.

- Тебя позвала Иситнофрет. Чтобы посмеяться. - Он фыркнул. - Я слышал, что ты ей сказала днём. Про стены гробниц. Весь дворец слышал. Мерит, ты знаешь, сколько лет я мечтал, чтобы кто-нибудь так с ней поговорил? - Он засмеялся и налил ей вина. - Пей. Не бойся. Это из моего кувшина. Я сам его наливал.

Мерит не взяла чашу. Пентавер заметил. Улыбка на его лице на мгновение стала грустной.

- Не доверяешь мне, - сказал он.

- Я никому здесь не доверяю.

- Это правильно, - сказал он, как тогда, на празднике долины. - Это очень правильно. - И выпил её вино сам.

* * *

Наследник сидел справа от госпожи Тийе, на почётном месте. Он не смотрел в конец зала. Ни разу. Он разговаривал с вельможами, слушал музыку, кивал. Иситнофрет, перебравшаяся к нему поближе, что-то говорила ему, наклоняясь так, что конус на её парике едва не касался его плеча. Он отвечал коротко, вежливо, не поворачивая головы.

Мерит не смотрела на него. Тоже ни разу. Ну, может быть, два раза. Или три.

Ближе к полуночи музыка стихла. На середину зала вышел старый слепой арфист, сел на скамеечку, поставил перед собой арфу. И запел.

Мерит знала эту песню. Её пели на похоронах, на праздниках, на пирах - везде, где люди хотели помнить, что жизнь коротка. Песню арфиста. Старую, такую старую, что никто уже не помнил, кто её сочинил.

Проводи день радостно, не уставай от него. Никто не уносит с собой своего добра. Никто из ушедших не возвращается.

Зал притих. Даже Иситнофрет перестала шептать. Слепой арфист пел медленно, тихо, перебирая струны сухими пальцами, и голос у него был таким старым и усталым, что у Мерит защипало в глазах.

А когда он закончил и зал зашумел снова, Иситнофрет поднялась.

- Какая прекрасная песня, - сказала она громко, чтобы слышали все. - Какие прекрасные слова. Жаль, что их нельзя

прочитать. - Она повернулась к концу зала и улыбнулась. - Хранительница! Говорят, в Месте Истины все умеют читать. Даже камни. Прочитай нам, пожалуйста, вот это.

Она взяла со столика у трона маленький свиток и протянула слуге. Слуга понёс его через весь зал. Все смотрели.

Мерит знала, что это. Проверка. Ловушка. Дочерям каменотёсов не положено уметь читать. Если она не прочитает - над ней будут смеяться. Если прочитает - спросят, где научилась. А потом скажут, что девушка, которая тайком учится тому, чему не положено, - опасная девушка. И не годится в Хранительницы.

Слуга протянул ей свиток.

Мерит взяла. Развернула. Знаки были мелкими, красивыми, писцовыми.

Она подняла голову. Наследник смотрел на неё. Впервые за весь вечер. Смотрел прямо, через весь зал, через танцовщиц, через вельмож, через золото. Без выражения. Просто смотрел.

Мерит опустила глаза к свитку. И прочитала - вслух, громко, медленно, как Аменнахт читал журнал перед всей деревней.

- «Прославление владыки Обеих Земель, Рамсеса, правителя Гелиополя, да будет он жив, здоров и невредим. Он - бык, что попирает ливийцев. Он - лев, что рвёт народы моря. Он - тот, кто наполняет амбары...» - Она остановилась. Посмотрела на Иситнофрет. - Простите, царевна. Тут ошиб-

ка. Писец пропустил знак. Должно быть «тот, кто наполняет амбары для мастеров Места Истины». Я знаю эту надпись. Она высечена у нас над входом в храм Хатхор. Её писал наш писец Аменнахт.

Зал молчал. Совсем. Мерит слышала, как трещат фитили в светильниках.

А потом кто-то засмеялся.

Это был наследник. Коротко, негромко - один раз, - и тут же замолчал, и лицо его снова стало каменным. Но все слышали. Весь зал. Иситнофрет повернулась к нему, и на её прекрасном лице было такое выражение, будто её ударили.

Госпожа Тийе подняла чашу.

- Какая умная девочка, - сказала она своим низким мелодичным голосом. - Какая образованная. Мы все должны поучиться у неё. - Она улыбнулась Мерит через весь зал. - Музыку!

Музыка грянула снова.

Пентавер рядом с Мерит смотрел на брата. Странно смотрел. Долго.

* * *

Её позвали за полночь, когда пир уже кончался.

Не Тамит, не Хаи. Пожилой слуга в простой белой одежде, с бритой головой, с лицом, на котором не отражалось ничего, - как на чистом листе папируса. Он подошёл к ней, когда она шла по галерее к восточному крылу, поклонился и сказал:

- Владыка желает тебя видеть. Сейчас.

- Фараон?

- Владыка Обеих Земель, - повторил слуга. - Иди за мной.

Нехт у неё в складках одежды тихо сказал что-то очень неприличное, чего Мерит раньше от него не слышала.

* * *

Покои фараона были в самой глубине дворца, за тремя дверями и шестью стражниками. Здесь было тихо. Не пахло ни вином, ни жареным мясом - только лекарствами, горькими травами и ещё чем-то сладковатым, тяжёлым. Так пахло в доме старой Ият в последние дни.

Рамсес Третий, владыка Обеих Земель, сын Ра, лев, рвущий народы моря, сидел в кресле у окна. Укутанный в шерстяное покрывало, хотя ночь была тёплой. Старый. Гораздо старше, чем на стенах Мединет-Абу. С тяжёлым подбородком, с запавшими щеками, с глазами, обведёнными тёмными кругами. Без короны. Его голова была бритой, и на ней проступали жёлтые старческие пятна.

Его руки лежали на подлокотниках. Обе дрожали. Мелко-мелко, не переставая.

Мерит упала на колени и коснулась лбом пола. Так полагалось. Мать учила её этому всю последнюю ночь, перед отъездом.

- Встань, - сказал фараон. Голос у него был хриплым и тихим. - Встань, девочка. Подойди. Дай посмотреть.

Она встала. Подошла.

Фараон смотрел на неё долго. На лицо. На руки. На шею.

На бусину.

- Покажи, - сказал он.

Мерит сняла бусину с шеи - впервые в жизни сняла, сама, - и протянула ему на ладони.

Фараон не взял. Только наклонился и посмотрел. И вдохнул - глубоко, медленно, как вдыхают запах цветка.

Лицо у него изменилось.

- Пунт, - сказал он тихо. - Это пахнет Пунтом. Я помню этот запах. Когда я был мальчиком, у моей бабушки было ожерелье из такой смолы. Его привезли ещё при Рамсесе Великом. Она говорила... - Он замолчал.

- Что, владыка?

Фараон откинулся на спинку кресла. Закрыл глаза.

- Мой отец, - сказал он, не открывая глаз, - говорил мне перед смертью, что сила вернётся. Что она вернётся и спросит с нас. С нашей семьи. За то, как мы её взяли. Я думал, это бред умирающего. Сказки. - Он помолчал. - Я тридцать один год сижу на этом троне. Я разбил ливийцев. Дважды. Я разбил народы моря. Я построил храм, который будет стоять тысячу лет. - Он открыл глаза и посмотрел на неё. - А теперь ко мне приходит дочь каменотёса с бусиной из Пунта. И мой отец оказывается прав.

Мерит молчала. Надела бусину обратно. Бусина была тёплой.

- Мой сын, наследник, - сказал фараон, - пришёл ко мне месяц назад. Сказал, что во дворце измена. Что мой старший

над покоями служит другим. Что в царской библиотеке пропала запрещённая книга. Что по ночам мёртвые лезут в дома мастеров. Что тебе грозит опасность. - Он усмехнулся криво. - Он всегда приходит ко мне с дурными вестями. С тех пор как заставил меня открыть амбары. Мне кажется, он хочет моего трона раньше времени.

- Он не хочет, владыка.

Фараон поднял бровь.

- Ты его защищаешь?

- Я говорю, что видела, владыка. Он стоял передо мной в седьмом часу ночи, с ножом, против десяти тысяч мёртвых. И не просил ничего взамен.

Фараон смотрел на неё долго. Очень долго.

- Кого ты признаешь, девочка? - спросил он наконец.

Мерит молчала.

Я подумаю, госпожа.

- Я подумаю, владыка, - сказала она.

Фараон вдруг засмеялся. Хрипло, тяжело, закашлялся, прижал к губам дрожащую руку.

- Ты первая за тридцать лет, - сказал он, отдышавшись, - кто сказал мне правду. Все остальные говорят то, что я хочу слышать. - Он махнул рукой. - Иди. Иди, Хранительница. Ты будешь жить в восточном крыле, пока я жив. А потом... - Он не договорил.

Мерит поклонилась и пошла к двери.

У двери, неподвижный, с кувшином воды и чашей на под-

носе, стоял высокий сутулый человек с бритой головой. Мерит не заметила его, когда входила. Он стоял так тихо, будто был частью стены.

- Пебеккамен, - позвал фараон слабым голосом. - Воды.

Высокий сутулый человек поклонился и пошёл к креслу. Налил воды в чашу. Поднёс фараону. Тот пил, а руки у него дрожали, и вода проливалась на шерстяное покрывало.

Пебеккамен, старший над покоями владыки, двадцать лет подающий ему утреннюю воду, стоял рядом и держал поднос. Лицо у него было неподвижным и почтительным.

Когда Мерит проходила мимо, он повернул голову. Совсем чуть-чуть. И посмотрел на неё. На бусину.

От него пахло воском.

Глава вторая
Люди в тростниках

Тридцать первый год правления Рамсеса Третьего. Фивы.

Хеви пришёл за ним на третью ночь после письма.

Не сам. Прислал мальчишку-посыльного с запиской из трёх слов: «Сегодня. Полночь. Пристань». Мальчишка сунул записку в руку Небамону у ворот казармы и убежал, не дожидаясь ответа. Ответа и не требовалось.

Сарду увидел записку. Сарду вообще видел всё - за последний год он стал похож на отца больше, чем Небамону хотелось бы. Такие же светлые глаза, которые смотрят спокойно и долго. Такое же молчание.

- Я пойду с тобой, - сказал он.

- Нет.

- Дядя командир...

- Нет, - повторил Небамон. - Ты остаёшься. С отрядом. Если я не вернусь к утру, ты ведёшь лучников обратно в Куш. Прямо. Никуда не сворачивая. И говоришь наместнику, что меня съел крокодил.

Сарду смотрел на него долго, совсем как Тархун.

- Отец просил тебя сказать ей правду, - сказал он наконец. - Я слышал. Я сидел рядом.

- Я помню.

- Ты скажешь?

Небамон не ответил. Взял плащ и вышел.

* * *

У пристани его ждала лодка. Маленькая, тростниковая, с одним гребцом, у которого было закрыто лицо. Хеви сидел на корме, закутанный в тёмный плащ, и улыбался.

- Садись, друг мой, - сказал он. - Прокатимся.

Они плыли долго. Сначала вдоль западного берега, мимо тёмных храмов, мимо полей, мимо деревень, где лаяли собаки. Потом свернули в канал, узкий, заросший тростником, - такой узкий, что тростник шуршал по бортам лодки. Небо над головой было чёрным, луна ещё не взошла. Хеви молчал, только иногда тихо напевал что-то себе под нос.

- Куда мы? - спросил Небамон.

- К хорошим людям, - сказал Хеви. - Я ведь говорил тебе.

Очень хорошим людям.

Лодка ткнулась носом в берег. Здесь, среди тростника, стоял дом - низкий, кирпичный, без окон, похожий на склад. У двери - двое стражников. Не в форме дворцовой стражи, а в простых набедренных повязках, но с мечами, и стояли они так, как стоят только те, кто носил форму много лет.

- Сюда, - сказал Хеви.

* * *

Внутри было тесно, жарко и темно. Горели два светильника. На полу - циновки. На циновках - люди.

Небамон насчитал семерых. Высокий сутулый человек с бритой головой и лицом, на котором не отражалось ничего, - он сидел у стены, сложив руки на коленях, как сидят слуги в ожидании приказа. Толстый человек с бегающими глазками, в одежде царского виночерпия. Тощий старик с пальцами, перепачканными чем-то тёмным, - воском, понял Небамон, когда подошёл ближе. Ещё двое - судя по осанке, военные. Один - жрец, с бритой головой и в белом. И один - в глубине, за перегородкой из тонкого льна, сквозь которую просвечивал только силуэт. Женский.

- Друзья, - сказал Хеви, входя. - Это командир лучников в Куше. Небамон. Тот, о ком я рассказывал.

Семь пар глаз посмотрели на Небамона. Он стоял у двери и смотрел в ответ.

- Садись, командир, - сказал высокий сутулый. Голос у него был тихим, вежливым, как у человека, который всю

жизнь говорит «да, господин» и «слушаю, господин». - Меня зовут Пебеккамен. Я старший над покоями владыки Обеих Земель. Это Месед-су-Ра, виночерпий. Это Пенхуибин, надсмотрщик над стадами. - Он кивнул на старика с тёмными пальцами. - Остальных тебе знать пока не нужно.

Небамон сел. Хеви сел рядом, всё так же улыбаясь.

- Ты получил письмо, - сказал Пебеккамен. Не спросил.

- Получил.

- Значит, ты знаешь, чего от тебя ждут.

- Знаю, что ждут моих лучников. Не знаю зачем.

Пебеккамен посмотрел на перегородку. Силуэт за ней не шевелился.

- Владыка стар, - сказал Пебеккамен медленно. - Владыка болен. Владыка не видит, что творится в его царстве. Мастера сидят у храмов. Амбары пусты. Мёртвые лезут в дома живых. - Он помолчал. - Всё это потому, что сила трона больна. Она гниёт. Так бывает, когда фараон сидит на троне слишком долго. Нужен новый фараон. Молодой. Добрый. Который откроет амбары и отпустит пленных. И который получит силу трона по-настоящему. От Хранительницы.

- Наследник молод, - сказал Небамон.

За перегородкой кто-то тихо засмеялся. Низким, мелодичным женским смехом.

- Наследник, - сказал Пебеккамен, - холоден, как камень. Он считает мешки. Он любит порядок больше, чем людей. При нём будет ещё хуже. Нет. Нужен другой.

- Кто?

- Тот, кого признает Хранительница.

Небамон молчал. В комнате было жарко, пахло потом, маслом из светильников и воском. Старик Пенхуибин мял что-то в пальцах - маленький комок, тёмный, мягкий, - и Небамон не мог отвести от этого комка глаз.

- Что от меня нужно? - спросил он наконец.

- Немного, - сказал Пебеккамен. - Когда придёт время - а оно придёт скоро, - твои лучники должны стоять у ворот дворца. Снаружи. И никого не впускать. И никого не выпускать. Пока внутри не закончат.

- Не закончат - что?

Пебеккамен не ответил. Только посмотрел на него своими пустыми, почтительными глазами.

- А взамен? - спросил Небамон.

- Взамен, - сказал голос за перегородкой, - ливийка Нефрет-Мут выйдет из дома царских женщин свободной. С приданым. С землёй в дельте, у реки. Ты ведь сын рыбака, командир? Ты будешь жить у воды. С женщиной, которую ждал двадцать лет. - Голос помолчал. - Это ведь немного, правда? Двадцать лет за одну ночь у ворот.

Небамон знал этот голос. Никогда не слышал - но знал. Так говорят те, кто привык, что им не отказывают.

- Я хочу её видеть, - сказал он. - Прежде чем отвечу.

Пебеккамен посмотрел на перегородку. Силуэт за ней чуть шевельнулся. Кивнул.

- Увидишь, - сказал Пебеккамен.

* * *

Они встретились через две ночи. В саду дома царских женщин, у пруда с лотосами, в самом дальнем углу, где гранатовые деревья росли так густо, что их ветви сплетались над головой.

Небамона провёл туда Хеви. Через боковую калитку, мимо стражника, который смотрел в другую сторону и считал звёзды. Через огород, где росли огурцы и лук. Через рощу. Хеви остановился у края рощи, улыбнулся, подмигнул и ушёл обратно, насвистывая.

Небамон стоял один в темноте под гранатами. Пахло цветами, землёй и водой. Где-то в пруду квакала лягушка.

Она вышла из-за деревьев.

Он узнал её сразу. Двадцать лет - и узнал по походке. Прямая спина, высоко поднятая голова, шаг, каким идут к своему шатру. Тонкое египетское платье. Волосы, заплетённые по-египетски, с первой сединой. Одна длинная прядь у виска - не заплетённая, отдельная.

Она остановилась в трёх шагах. Как тогда, у колючей изгороди.

Они смотрели друг на друга долго. Луна вышла из-за облака и осветила её лицо. Морщины у глаз. Морщины у губ. Тонкий шрам на подбородке, которого раньше не было. И глаза - светлые, сухие, злые, без капли слёз.

Те же самые.

- Ты постарел, - сказала она.

- Ты нет.

- Врёшь. - Она чуть улыбнулась углом рта. - Ты всегда врал. Я помню.

Небамон почувствовал, как у него холодеют руки.

Она сделала шаг. Ещё один. Подняла руку - тонкую, с выцветшими узорами - и коснулась его лица. Седины на висках. Морщин у глаз. Шрама на щеке, который он получил в Куше от копья кочевника.

- Ты пришёл, - сказала она тихо. - Двадцать лет. Я свистела каждую ночь. Я думала, ты умер. Я думала, ты забыл. Я думала, я сошла с ума и ты мне приснился. - Её пальцы дрожали. - А ты пришёл.

Он взял её руку и прижал к губам. И стоял так долго.

* * *

Они сидели на берегу пруда, под гранатами, до самого рассвета. Говорили шёпотом. Как на барже.

Она рассказала ему про гарем. Про двадцать лет в шелку и золоте, за тремя стенами. Про то, как ей дали египетское имя и заставили его носить. Про то, как она родила дочь в маленькой комнате под крышей, одна, зажимая рот рукой, чтобы не кричать. Про ночь у реки. Про лодку. Про женщину на берегу, которая взяла свёрток.

- Я почти не видела её лица, - сказала Тазири. - Темно было. Помню только, что она была очень худая и что у неё дрожали руки. Наверное, она тоже потеряла ребёнка. Мне

так сказали. - Она помолчала. - Я тогда подумала: хорошо. Значит, будет любить. Женщина, которая потеряла, любит сильнее.

- А потом?

- А потом я сказала всем, что девочка родилась мёртвой. И плакала. И меня считали сумасшедшей. - Она пожала плечами. - Здесь это удобно. Сумасшедших не трогают. Не берут на ложе к фараону. Не дарят вельможам. Их просто не замечают.

Небамон молчал. Держал её руку в своей.

- А Мешешер? - спросила она вдруг. - Ты знаешь, что с ним было?

- Нет.

- Он умер через три года. В храмовых мастерских Амона, на восточном берегу. Таскал камни. Надорвался. - Голос у неё был ровным. - Мне сказали через год после того. Одна из служанок, родом из дельты. Знала кого-то, кто работал с ним.

Небамон чувствовал, как у него немеют пальцы.

- Но три года он жил, - продолжала Тазири. - Три года. Это ведь из-за тебя. Ты встал перед теми тремя, с копьями. Ты перевязал ему голову. - Она сжала его руку. - Я всегда помнила. Все двадцать лет.

Скажи. Скажи сейчас. Тархун просил. Лодка тонет.

- Тазири, - сказал он. - Я должен тебе сказать. Про тот день. Про колесницу.

Она повернула голову и посмотрела на него. Глаза в лунном свете были светлыми, как вода.

- Что?

Он открыл рот. И увидел её лицо. Морщины у глаз. Седину. Шрам на подбородке. Двадцать лет за тремя стенами, двадцать лет свиста у окна, двадцать лет держалась за одно - за десятника, который встал перед тремя копьями и спас её брата.

Если я скажу, у неё не останется ничего. Ничего. Даже этого.

- Ничего, - сказал он. - Неважно. Потом.

Тазири смотрела на него долго. Потом положила голову ему на плечо. Как тогда, под Абидосом.

- Потом, - согласилась она. - У нас теперь будет много «потом». Правда?

- Правда, - сказал Небамон.

Он соврал. Снова.

* * *

На рассвете, когда небо над садом начало сереть, она сказала:

- Они обещали мне свободу. Мне. Тебе. Нашей дочери.

- Знаю.

- Ты им веришь?

Небамон подумал.

- Нет, - сказал он.

- Я тоже, - сказала Тазири. - Но двадцать лет я никому не

верила, и что? Сижу в саду с лотосами. - Она подняла голову. - Небамон. Я хочу выйти отсюда. Я хочу увидеть пустыню. Хочу увидеть шатры, если они ещё где-нибудь стоят. Хочу умереть не здесь. - Она помолчала. - И я хочу, чтобы фараон, который приказал убить моего отца, умер раньше меня.

- Твоего отца убили?

- Той же ночью. Когда он пришёл просить за Мешешера. - Тазири смотрела на пруд. - Ты не знал? Его вывели за лагерь и зарезали, как барана. Мне рассказали уже здесь. Женщины гарема всё знают. - Она повернулась к нему. - Ты поможешь им?

Небамон молчал.

- Мне всё равно, кто будет следующим фараоном, - сказала Тазири. - Добрый, злой, холодный, тёплый. Они все одинаковые. Мне нужно, чтобы этот умер. И чтобы я вышла отсюда. И чтобы наша дочь была жива. - Она взяла его лицо в ладони. - Это всё, о чём я прошу. За двадцать лет. Только это.

- Помогу, - сказал Небамон.

* * *

Хеви ждал его у калитки. Как всегда, улыбаясь. Как всегда, с финиками в мешочке на поясе.

- Ну что, друг мой? - спросил он. - Как свидание?

Небамон прошёл мимо него, не останавливаясь. Хеви догнал его, пошёл рядом.

- Я так понимаю, ты согласен, - сказал он весело. - Это хо-

рошо. Это очень хорошо. Госпожа будет довольна. - Он помолчал. - А теперь, друг мой, есть ещё одно дело. Маленькое. Совсем пустяковое.

Небамон остановился.

- Какое?

Хеви посмотрел на него. Улыбка на месте. Глаза над ней - пустые и очень внимательные.

- Ты ведь знаешь, кто твоя дочь? - спросил он.

- Нет.

- Нет? - Хеви поднял брови с притворным удивлением. - Ах, ну да. Тебе ведь никто не сказал. Она тоже не знает, наверное. - Он подошёл ближе и сказал тихо, почти ласково: - Твоя дочь, Небамон, живёт в восточном крыле дворца. Её привезли туда на днях. По личному повелению фараона. Её зовут Мерит. Она выросла в Месте Истины, в семье каменотёса. Два года назад перед ней склонился бог. И она носит на шее бусину. Тёмную, смолистую, тёплую. Ту самую, которую ты украл в Пунте.

Небамон стоял неподвижно.

- Она Хранительница трона, друг мой, - сказал Хеви. - Твоя дочь. Та, без которой никто не станет фараоном. - Он улыбнулся шире. - Ты понимаешь теперь, почему ты нам так нужен? Не твои лучники. Лучников мы бы нашли. Ты нам нужен потому, что ты её отец. А кто лучше отца убедит дочь, кого ей признать?

Небамон смотрел на него. На полное, весёлое лицо. На

маленькие умные глаза.

Ты донесёшь, но не удержишь.

- Подумай, - сказал Хеви. - Не торопись. Познакомься с ней. Поговори. Расскажи, кто ты. Она ведь будет рада. Девочки всегда рады, когда находится отец. - Он хлопнул Небамона по плечу. - А потом скажи ей, что царевич Пентавер - хороший человек. Добрый. Что он откроет амбары. Что он освободит её мать. Что при нём все будут счастливы.

Он пошёл прочь, насвистывая. Потом обернулся.

- И ещё, друг мой. Не вздумай рассказать ей лишнего. Про руки. Про сторожа в Пунте. Про её дядю Мешешера. - Хеви подмигнул. - Девочки ведь не любят, когда находится отец, а он оказывается вором и убийцей. Правда?

* * *

Небамон не вернулся в казарму сразу.

Он пошёл к дворцу. Не к дому царских женщин - к самому дворцу, к его восточной стене. Он не знал зачем. Он просто шёл, и ноги сами несли его, как несли когда-то к решётке под крышей.

Восточное крыло спало. Окна были темны. У входа стоял привратник - старый, с лицом, похожим на сушёную грушу, - и дремал, опираясь на копьё.

Небамон остановился в тени пальм. Смотрел на тёмные окна.

Где-то там. За одной из этих стен. Моя дочь. Мерит.

Он повторил это имя про себя. Несколько раз. Оно было

незнакомым и странным на вкус. Любимая. Кто-то назвал её «любимая». Какая-то женщина из деревни мастеров, которая взяла чужого ребёнка из лодки и не спросила, чей он.

Я даже не знаю, как она выглядит.

Я знаю, какие у неё глаза. Светлые. Как у Тазири.

Небо на востоке стало розовым. Пора было уходить. Небамон повернулся - и остановился.

У подножия стены, у входа в восточное крыло, на песке, тянулись следы.

Пять длинных тонких борозд. Как будто что-то ползло, цепляясь за землю пальцами. Они шли от дороги, вдоль стены, к самой двери, и у двери обрывались. Как будто то, что их оставило, легло на пороге. И лежало там всю ночь, свернувшись, как собака у двери хозяина.

Небамон смотрел на них, и мир вокруг становился очень тихим.

Двадцать лет назад он видел такие следы у своей палатки. Каждое утро. Шесть лет. Потом - у стены гарема. Потом они исчезли. Он думал, навсегда.

Он ищет своих. Здесь его родня.

Мёртвые не трогают свою кровь.

Привратник у двери проснулся, зевнул, потянулся. Увидел следы на песке. Нахмурился. Взял метлу из пальмовых листьев, стоявшую у стены, и несколькими движениями замёл их. Будто делал это каждое утро. Будто привык.

Небамон стоял под пальмами, пока привратник не вернул-

ся на своё место. Потом пошёл прочь. Быстро, не оглядываясь, как уходил двадцать лет назад от стены гарема.

Только на этот раз он понимал, куда ушёл тот, кого он оставил у стены.

И понимал, кого он там охраняет.

Глава третья
Сын Исиды

Тридцать первый год правления Рамсеса Третьего. Второй месяц разлива.

Утром после встречи с фараоном Мерит написала письмо. Первое в жизни.

Она долго сидела над ним. Тамит принесла ей черепок - гладкий, светлый, от разбитого кувшина, - и чернила, и тростниковую палочку, которую стащила у какого-то писца в галерее. Мерит держала палочку так, как держал её Хуи, когда учил уроки, - и пальцы не слушались. Одно дело - перерисовывать знаки ночью, при луне, для себя. Другое - писать человеку, который прочитает.

В конце концов она написала три слова. Кривые, неровные, но разборчивые.

Пахнет воском. Пебеккамен.

Хаи отнёс черепок в восточное крыло, туда, где жил наследник. Вернулся через час с другим черепком. На нём было написано - ровно, быстро, мелким уверенным почерком человека, который пишет каждый день:

Знаю. Не бери ничего из его рук. Ни воды, ни еды. Ничего.

И ниже, после пустого места, будто рука помедлила:

Ты хорошо пишешь.

Мерит смотрела на черепок долго. Потом спрятала его в сундук. Рядом с ожерельем Пентавера, завёрнутым в льняную тряпицу. Подумала. И переложила на другой край сундука.

- Ага, - сказал Нехт с сундука.

- Что - ага?

- Ничего, владычица. Просто ага.

* * *

Дни во дворце текли медленно и одинаково, как вода в канале.

Утром - Тамит с кувшином, плита в полу с желобом, баночки, назначение которых Мерит понемногу узнавала. Потом - прогулка по саду, где за каждым кустом граната кто-то стоял и смотрел. Потом - Пентавер. Он приходил каждый день, всегда весёлый, всегда с подарками: свитки, цветы, сушёные финики из Дельты, маленькая резная шкатулка из слоновой кости. Он садился у её ног на скамеечку, как садятся у ног царицы, и рассказывал смешные истории про дворец. Про то, как старая царевна Бакетмут велела выпороть своего парикмахера, потому что тот сделал ей не тридцать косичек, а тридцать одну. Про то, как Иситнофрет после того пира три дня не выходила из покоев. Про то, как виночерпий Месед-су-Ра напился на празднике и упал в пруд с лотосами.

Мерит смеялась. С ним было легко. С ним было так легко, что она иногда забывала, кто его мать.

А по ночам ей снились восковые руки. И мягкий низкий голос. *Как жаль, что твоя мать так сильно кашляла.*

Наследника она не видела. Ни разу за десять дней. Только однажды, проходя по галерее, заметила его вдалеке, в окружении писцов. Он шёл быстро, хмурясь, держа в руках свиток. Не повернул головы.

Здесь сто глаз на каждую стену.

Она тоже не повернула.

* * *

На одиннадцатую ночь Мерит услышала свист.

Она лежала без сна на кровати с львиными лапами, слушала, как Тамит сопит на циновке у двери, и смотрела в потолок, расписанный звёздами. И вдруг - далеко, едва слышно, откуда-то с запада, где за садами и стенами был дом царских женщин, - донёсся свист.

Три коротких. Один длинный.

Мерит приподнялась на локте.

Тишина. Потом снова. Три коротких. Один длинный.

- Тамит, - шёпотом позвала она. - Тамит, ты слышишь?

Тамит заворочалась и что-то пробормотала, не просыпаясь.

- Это ливийка, - сказал Нехт с сундука. Он не спал - он вообще почти не спал, говорил, что ушебти спать вредно, а то проснёшься через тысячу лет. - Тамит говорила. Неф-

рет-Мут. Она каждую ночь свистит у окна. Уже двадцать лет. Вся женская половина знает.

- Кому она свистит?

- Никто не знает, - сказал Нехт. - Тамит говорит, ей никогда не отвечали.

Мерит лежала и слушала. Свист повторился ещё раз. Потом стих.

А потом, очень далеко, так далеко, что, может быть, это ей только показалось, - откуда-то снаружи, из-за стен, - ответил другой свист. Ниже. Глуше.

Три коротких. Один длинный.

Мерит лежала неподвижно, пока не начало светать. Сон так и не пришёл.

* * *

Она поднялась на крышу перед рассветом.

Восточное крыло было выше остального дворца, и с его плоской крыши, огороженной невысоким парапетом, было видно всё: дворцовые дворы, сады, стены Мединет-Абу, поля за ними, реку и далёкий восточный берег, где в серой предрассветной мгле угадывались очертания великих храмов Карнака. Небо было тёмно-синим. На востоке, над горами, оно уже начинало светлеть. Звёзды гасли одна за другой.

Мерит села на парапет, обхватив колени. Ветер с реки был прохладным и пах водой. Нехт сидел рядом.

- Владычица, - сказал он. - Ты бы поспала.

- Не могу.

- Из-за свиста?

- Из-за всего.

Нехт помолчал.

- Я тоже не могу, - признался он. - Мне всё время кажется, что вот-вот что-то случится.

Сверху, из темноты, бесшумно, как падает лист, на парапет опустилась птица.

Сокол.

Небольшой, тёмный, с пёстрой грудью, с острыми, сложенными за спиной крыльями. Он сел в трёх шагах от Мерит, на самом краю парапета, и повернул к ней голову.

Глаза у него были жёлтыми. Круглыми, яркими, как два маленьких солнца. Но только правый. Левый был другим - бледным, молочно-белым, как луна в тумане. И через него, от брови до клюва, шёл тонкий светлый шрам.

Нехт перестал дышать. Если глиняные люди вообще дышат.

Сокол смотрел на Мерит. Долго. Не мигая.

А потом - она не поняла, как это случилось, она смотрела не отрываясь и всё равно не поняла - на парапете сидел уже не сокол.

* * *

Он был молодым. Моложе наследника, моложе Пентавера. Лет двадцати, не больше. Стройный, гибкий, смуглый, обнажённый по пояс, в простой белой набедренной повязке, как у крестьянина или гребца. Волосы - тёмные, короткие.

Он сидел на парапете, свесив одну ногу вниз, над пустотой, и смотрел на неё.

И глаза у него остались те же. Правый - жёлтый, круглый, птичий, горящий, как солнце. Левый - бледный, молочный, лунный. И шрам через него, от брови до скулы.

Мерит не могла пошевелиться.

Она знала это лицо. Она видела его тысячу раз. На стенах храмов, на амулетах, на печатях, на рукоятях опахал. Человек с головой сокола. Владыка неба. Тот, чьё имя носит каждый фараон, когда садится на трон.

Глаз Хора, - подумала она. Амулет, который она сделала для Хуи. Кривой, из синего фаянса. Глаз, который вырвал Сет. Глаз, который собрали по кусочкам.

Она соскользнула с парапета и упала на колени, коснувшись лбом холодной глиняной крыши.

- Встань, - сказал он.

Голос у него был молодым, лёгким, чуть хрипловатым, как у юноши, который только что пробежал долгую дорогу.

- Встань, Хранительница. Не надо. Моя мать - трон. Ты держишь её место. Негоже, чтобы та, кто держит место моей матери, стояла передо мной на коленях.

Мерит поднялась. Ноги дрожали. Она держалась рукой за парапет.

- Ты... вы... - сказала она. И замолчала. Слова кончились.

- Хор, - сказал он. - Гор. Сын Исиды. Тот, кто сидит в каждом фараоне, пока тот жив. Меня по-разному зовут. - Он

улыбнулся - быстро, совсем по-мальчишески. - Твой глиняный друг сейчас треснет. Скажи ему, чтобы дышал.

Мерит посмотрела на Нехта. Тот стоял на парапете навытяжку, прижав плётку к груди, и не шевелился. Глазурь на нём, казалось, побледнела.

- Нехт, - шепнула Мерит. - Дыши.

Нехт издал звук, похожий на скрип двери, и сел, где стоял.

* * *

- Я пришёл поговорить, - сказал Хор. - Недолго. Солнце скоро встанет, а на рассвете у меня много дел. - Он кивнул на восток, где небо над горами уже стало розовым. - Сядь. Ты устала. Ты не спала всю ночь.

Мерит села на парапет. Не рядом с ним - чуть поодаль. Он не возражал.

- Ты знаешь, откуда твоя бусина? - спросил он.

- Тэти говорит, из Пунта. Из Страны бога. Говорит, это слеза первого дерева. Говорит, такие слёзы брали из Пунта дважды.

- Твоя старуха много знает, - сказал Хор. - Больше, чем говорит. - Он посмотрел вниз, на сады, на стены. - Да. Дважды. Слушай, Хранительница. Я расскажу тебе, как это было. Один раз. Больше рассказывать не буду.

Ветер с реки шевелил его короткие волосы.

- Давным-давно, когда Египет был ещё двумя землями, Верхней и Нижней, и цари их воевали друг с другом, один царь с юга пришёл к краю мира. В Страну бога. Он пришёл

не с войском. Он пришёл один, с одной лодкой, и попросил. Он сказал: «Я хочу соединить две земли в одну. Но я человек. У меня нет силы держать то, что больше меня». И жрицы Пунта отвели его к первому дереву. И дерево заплакало. Одной слезой. И жрицы отдали её царю. Не продали - отдали. Добровольно. - Хор помолчал. - Это важно. Запомни. Добровольно.

- И царь стал фараоном?

- Царь отдал слезу своей сестре, - сказал Хор. - Потому что сила, которая держит трон, не может жить в том, кто на нём сидит. Иначе он сожжёт себя. Ей нужен кто-то, кто держит место. Как моя мать держала на коленях меня, когда я был маленьким. Сестра царя стала первой Хранительницей. Она признала брата. И он соединил две земли. - Хор улыбнулся. - Ты ведь знаешь, как пишется имя моей матери?

- Трон, - сказала Мерит.

- Трон, - кивнул Хор. - С тех пор так и было. Сила переходила от женщины к женщине. Тысячу лет. Две тысячи. Иногда к царевнам. Иногда - очень редко - к другим. Она выбирала сама. И каждая Хранительница признавала одного фараона. Иногда по любви. Иногда по долгу. Иногда - по ошибке. Но всегда - сама. - Он помолчал. - Пока не пришёл человек по имени Сетнахт.

* * *

Небо на востоке стало золотым. Над горами показался край солнца.

- Ты знаешь, что значит имя Сетнахт? - спросил Хор.

- Нет.

- «Сет силён». - Хор смотрел на восходящее солнце, и его правый глаз сиял так, что больно было смотреть. - Сет. Мой дядя. Брат моего отца. Тот, кто убил отца и разрубил его на куски. Тот, кто вырвал мне глаз, когда мы бились за трон. - Он коснулся пальцами шрама. - Сет любит брать силой. Он не умеет иначе. Это не зло - это просто его природа. Как пустыня не умеет быть рекой.

Он помолчал.

- Сетнахт пришёл к власти в смутное время. Царица Таусерт сидела на троне. Она была Хранительницей. И она признала себя. Сама себя. Такое бывало раньше - редко, но бывало. Сила это позволяет. - Хор повернул голову к Мерит. - Сетнахт не стал ждать, пока она умрёт. Он взял силу так, как берёт мой дядя. Вырвал. Из живой. Ночью. Обрядом, который нельзя было делать. И привязал к женщине своего рода. Насильно.

Мерит молчала. Она вспоминала лицо без лица на кольце змея. Стёсанное резцом.

- С того дня сила больна, - сказал Хор. - То, что взято силой, не держит. Оно гниёт. Медленно. Тридцать лет. Голод. Мёртвые в домах живых. Заговоры. Мастера у храмов. Всё это - оттуда. Из той ночи.

- А вторая слеза?

Хор посмотрел на неё долго. Солнце поднималось всё вы-

ше, и в его свете лицо юноши на парапете становилось всё прозрачнее, будто он сам был сделан из утреннего света.

- Вторую взяли, - сказал он. - Не дали. Взяли. Ночью. С ножом. С кровью невинного на руках. - Он помолчал. - Твой отец.

Мерит почувствовала, как у неё холодеют руки.

- Кто он?

- Ты его узнаешь, - сказал Хор. - Скоро. Он ближе, чем ты думаешь. Он уже стоял под твоей стеной. - Он чуть наклонил голову, по-птичьи. - Не суди его сразу, Хранительница. Он нёс то, что украл, двадцать лет. Это тяжело. Даже для бога.

- Почему сила пришла ко мне? - спросила Мерит. Голос у неё дрожал. - Почему не к царевне? Почему не к Иситнофрет? Она красивая, она знатная, она всю жизнь ждала.

- Потому что твоя слеза не знает, кому служить, - сказал Хор. - Её не дали. Её не отдали по закону. Она ничья. В ней нет ни Сетнахта, ни Таусерт, ни старой царевны. Только кровь сторожа из Пунта и любовь ливийки, которая повязала её на шею своей дочери. - Он помолчал. - Когда старую царевну убили и сила вырвалась, она искала, куда уйти. И нашла то, что пахнет домом. Пахнет первым деревом. Тебя.

Он соскользнул с парапета на крышу, лёгкий, бесшумный, и встал перед ней. Он был невысоким - почти одного роста с ней.

- Слушай, - сказал он. - Это главное. Сила, взятая силой, вернётся в порядок только одним путём. Когда её отдадут.

Добровольно. Как отдали первую слезу. Ты признаешь кого-то - сама, от сердца, никем не заставленная, никем не обманутая, - и в этот миг всё, что было вырвано, станет отданным. Тридцать лет гнили кончатся. - Он смотрел на неё своими разными глазами - солнечным и лунным. - Не важно кого. Важно - как.

- Кого мне признать?

Хор засмеялся. Легко, звонко, по-мальчишески.

- Вот этого я тебе не скажу, - сказал он. - Тебе это скажут все. Мать твоего друга. Твой отец, когда найдётся. Твой друг, когда устанет ждать. Старуха, жрецы, писцы. Даже я мог бы сказать. Я ведь сижу в каждом фараоне - мне не всё равно, в ком сидеть. - Он перестал смеяться. - Но если скажу я, то это будет тоже взято. Не отдано. И всё повторится.

* * *

Солнце встало над горами. Свет залил крышу, сады, стены, далёкую реку.

Хор стоял перед ней, и сквозь него уже просвечивал парапет.

- Ещё одно, - сказал он. - Та, без лица. В седьмом часу.

- Таусерт.

- Таусерт. Она тоже моя. Она тоже держала место моей матери. Она тоже признала фараона - себя. - Он помолчал. - Мой отец лежал разрубленным на четырнадцать кусков, разбросанных по всему Египту. Моя мать ходила и собирала их. Один за другим. Годами. И собрала. - Он коснулся шрама

над лунным глазом. - Мой глаз собирали по кусочкам. Он стал целее, чем был. Помни об этом, когда встретишь её снова. Целое собирают из осколков. Даже то, что разбили нарочно.

- Я не понимаю.

- Поймёшь, - сказал Хор. - Когда придёт время.

Он протянул руку и коснулся бусины у неё на груди. Одним пальцем. Легко.

Бусина вспыхнула. Не теплом и не холодом - светом. Золотым, мягким, как свет лампы в доме, где тебя ждут. И погасла. Но Мерит чувствовала, что внутри неё что-то осталось. Как отголосок песни.

- Теперь она меня слышит, - сказал Хор. - Если будет совсем плохо - позови. Я приду. Один раз. Только один. Подумай хорошо, прежде чем звать.

Он отступил на шаг. Свет солнца прошёл сквозь него насквозь.

- Ты боишься? - спросил он.

- Да, - сказала Мерит.

- Хорошо, - сказал Хор. - Моя мать тоже боялась. Каждую ночь, пока собирала куски.

И его не стало.

Над крышей восточного крыла, в розовом утреннем небе, кружил сокол. Он сделал круг, второй, третий - а потом сложил крылья и ушёл вниз, к реке, на восток, туда, где вставало солнце.

* * *

Нехт молчал долго. Очень долго. Мерит даже испугалась, не треснул ли он по-настоящему.

- Владычица, - сказал он наконец сиплым голосом. - Это был... он был... Он на меня посмотрел. Ты видела? Он на меня посмотрел и сказал, чтобы я дышал.

- Видела.

- Хор. На меня. Надсмотрщика с трещиной. - Нехт сел на парапет. - Мастер, который меня выбросил, не поверит. Никто не поверит.

- Я поверю.

- Ты не считаешься, - сказал Нехт. - Ты сама с ним разговаривала. - Он помолчал. - Владычица. А ты поняла, про что он? Про куски?

- Нет, - сказала Мерит честно.

- Я тоже, - вздохнул Нехт. - Боги всегда так. Скажут непонятное и улетят. А нам потом разбирайся.

* * *

В углу крыши, там, где тень от лестничной башенки ещё не растаяла под солнцем, пахло миррой.

Мерит повернулась.

Пасер стоял в самой глубине тени, прижавшись спиной к стене. Седой, усталый, в позеленевшей броне. Он не смотрел на неё. Он смотрел на небо. Туда, куда улетел сокол.

- Ты видел, - сказала Мерит.

- Видел.

- Он часто приходит?

Пасер молчал долго.

- Редко, - сказал он наконец. - Очень редко. За всю мою жизнь - и за всю мою смерть - я видел его один раз. - Он помолчал. - Он приходил к ней. К моей госпоже. За год до той ночи. На такую же крышу, на рассвете.

- Что он ей сказал?

- Не знаю. Я стоял у двери, на лестнице. Не слышал. - Голос у Пасера стал совсем тихим. - Она потом плакала до самого вечера. Одна. Никого к себе не пускала. Даже меня. А через год... - Он не договорил.

Мерит смотрела на него. На седую бороду. На шрам через всё лицо. На руки, сжатые в кулаки.

- Пасер, - сказала она. - Как звали твою госпожу?

Он закрыл глаза.

- Таусерт, - сказал он. - Мою госпожу звали Таусерт. Владычица Обеих Земель. Дочь Ра. Возлюбленная Мут. - Он помолчал. - Я больше тридцати лет не произносил этого имени. Его стёсывали со стен при мне. Я стоял и смотрел.

- Она в седьмом часу, - сказала Мерит тихо. - Без лица.

- Я знаю. - Пасер открыл глаза. Они были мокрыми. - Я жну тех, кого она зовёт. Каждую ночь. Всех, кого она ловит своей сетью, всех, кого посылает к живым. Это моя работа. - Он посмотрел на Мерит. - Я служу силе, Хранительница. Сила ушла от неё. Я иду за силой. Так я поклялся. Так я служу.

- Но ты её любил.

Пасер не ответил. Он отступил в тень, глубже, и тень сомкнулась над ним, как вода. Запах мирры повисел ещё мгновение и пропал.

* * *

Солнце стояло уже высоко. Внизу, во дворах, просыпался дворец: кричали слуги, ржали лошади, звенели кувшины у колодца. Скоро придёт Тамит с водой. Скоро придёт Пентавер с подарками.

Мерит подошла к восточному краю крыши и посмотрела вниз.

У входа в восточное крыло, на песке, привратник Хаи мёл метлой из пальмовых листьев. Неторопливо, привычно, как метут каждое утро. Мерит не видела, что он заметает. Видела только, что метёт он одно и то же место, у самого порога. Долго. Тщательно.

А под пальмами у дороги, в тени, стоял человек.

Высокий. Немолодой. С сединой на висках, с тёмным загорелым лицом, со шрамом на щеке. В простом плаще лучника. Он стоял неподвижно и смотрел вверх. На восточное крыло. На крышу.

На неё.

Мерит замерла. Человек под пальмами смотрел на неё. Они были далеко друг от друга - слишком далеко, чтобы разглядеть лица. Но она чувствовала его взгляд так ясно, будто он стоял рядом.

Бусина на груди стала тёплой. Теплее, чем всегда.

Он уже стоял под твоей стеной.

Человек под пальмами вдруг повернулся и пошёл прочь. Быстро, не оглядываясь, по дороге к реке, к казармам у храма.

Мерит смотрела ему вслед, пока он не исчез за поворотом.

- Владычица, - тихо сказал Нехт. - Кто это был?

- Не знаю, - сказала Мерит.

Но бусина у неё на груди была тёплой ещё долго. До самого полудня.

Глава четвёртая
Дом книг

Тридцать первый год правления Рамсеса Третьего. Третий месяц разлива.

Записка от наследника пришла через Хаи на шестнадцатый день. На черепке, тем же мелким уверенным почерком.

Дом книг. Сегодня. Когда погасят огни во дворе. Хаи проводит.

И больше ничего. Мерит перечитала её три раза, будто там могли появиться новые слова. Не появились.

- Ничего не значит, - сказала она Нехту.

- Конечно, - согласился Нехт. - Совершенно ничего. Ночь, библиотека, двое. Ничего не значит.

- Нехт.

- Молчу, владычица.

* * *

Дом книг стоял при храме, в глубине, за вторым двором, - узкое длинное здание без окон, с одной дверью, обитой медью. Над дверью было высечено: «Место, где лечат душу». Хаи открыл дверь своим ключом, впустил Мерит, отдал ей светильник и остался снаружи.

Внутри пахло папирусом, пылью и кедровым маслом, которым натирают полки, чтобы не заводились жуки. Полки уходили вдоль стен в темноту - от пола до потолка, и на каждой лежали свитки. Сотни. Тысячи. В кожаных футлярах, в деревянных ящичках, просто так, перевязанные бечёвкой. На некоторых висели глиняные бирки с надписями.

Мерит стояла на пороге с поднятым светильником и не могла сделать ни шагу.

Она думала о свалке за деревней. О черепках, которые выкапывала из мусора. Об обрывке любовной песни, который неделю не давал ей спать, потому что дальше было отбито. О том, как перерисовывала уроки брата при луне.

Каждый знак - это дверь.

Здесь были тысячи дверей.

- Нравится? - спросил голос из темноты.

Наследник сидел в глубине, за длинным столом, заваленным свитками. Перед ним горела лампа. Он не встал, когда она вошла, - только поднял голову.

- Я... - начала Мерит. И не смогла договорить.

- Знаю, - сказал наследник. - Я тоже так стоял, когда меня

привели сюда в первый раз. Мне было семь лет. Я простоял на пороге, пока не пришёл библиотекарь и не спросил, не окаменел ли я. - Он чуть помолчал. - Садись. У нас мало времени. Библиотекарь возвращается на рассвете.

* * *

Она села напротив. Он развернул перед ней большой свиток - длинный, потрёпанный, исписанный столбцами мелких знаков.

- Это журнал библиотеки, - сказал он. - Кто что брал, когда, по чьему приказу. Здесь записывают всё. Даже если царевич берёт сказку на ночь.

- И вы брали?

- Брал. Про потерпевшего кораблекрушение. Раз сто. - Он провёл пальцем по столбцу. - Смотри. Вот здесь. Двадцать девятый год, второй месяц сезона всходов.

Мерит наклонилась над свитком. Запись была короткой. Название свитка - «Книга о делании изображений и вкладывании в них». Для дел визиря. И имя писца, который брал.

Имени не было. На его месте была светлая полоса, будто папирус потёрли ножом. Аккуратно, тщательно, до самых волокон.

- Соскоблили, - сказала Мерит.

- Соскоблили, - согласился наследник. - Я смотрел днём, при солнце. Ничего не видно. Но я подумал... - Он помолчал. - Я подумал, что ты в детстве читала черепки со свалки. Затёртые, разбитые, исцарапанные. Может быть, ты знаешь,

как читать то, что пытались стереть.

Мерит посмотрела на него. Он смотрел на неё серьёзно, без насмешки.

- Дайте лампу, - сказала она.

* * *

Она знала этот способ. Сама придумала, лет в десять, когда нашла на свалке черепок с надписью, которую кто-то стёр мокрой тряпкой. Чернила уходят, а след от палочки остаётся. Если правильно поставить свет.

Она поставила лампу низко, почти на стол, сбоку от свитка, так, чтобы свет скользил по папирусу, а не падал сверху. Наклонилась. Прищурилась.

На светлой полосе проступили тени. Едва заметные, тонкие, как следы птичьих лапок на песке. Там, где тростниковая палочка вдавливала волокна, оставались бороздки. Нож снял чернила, но бороздки остались.

- Кручёный фитиль, - сказала она медленно, водя пальцем над папирусом, не касаясь. - Это «х». Потом... птенец. Перепёлка. - Она замолчала, повернула лампу, наклонилась ниже. - Две тростинки. И человечек. Сидящий. Писец ставит такого после имени мужчины.

Она подняла голову. Лицо у неё стало белым.

- Это имя моего брата, - сказала она. - Хуи. Точно так же. Я перерисовывала его сотни раз.

- Твоему брату одиннадцать лет, - сказал наследник.

- Двенадцать. - Мерит снова наклонилась над бороздками.

- Писцы ведь не пишут гласных. Так пишется не только Хуи. Так пишется ещё одно имя. - Она помолчала. - Хеви.

Наследник долго молчал.

- Писец визиря, - сказал он наконец. - Тот, что ведает амбарами западного берега.

- Он приезжал к нам, когда мы сидели у храмов. Обещал зерно. Не привёз. - Мерит сжала пальцы. - Он раздавал детям финики. Он сказал мне во дворце, что видел такую бусину. Давно. У одного старого друга.

Наследник смотрел на неё. Огонёк лампы отражался в его глазах.

- Половина зерна, которое значилось в отчётах, на самом деле давно вывезена, - сказал он медленно, будто складывал вслух знаки. - Книга о восковых фигурках взята для дел визиря. Писец визиря ведает амбарами. - Он помолчал. - Я пересчитывал мешки три дня. Я видел подписи. Его подписи. Я думал, он просто вор. Таких при каждом визире десяток.

- А он не просто вор.

- Нет, - сказал наследник. - Он платит зерном тем, кто платит ему воском.

* * *

Они сидели над свитком долго. Он рассказывал ей про амбары, про подписи, про то, как один и тот же мешок ячменя записывали трижды в трёх разных местах. Она рассказывала ему про Небет и красный горшок, про волосы старой Ият, вплетённые в воск. Он слушал не перебивая. Задавал вопро-

сы. Короткие, точные, как удар резцом.

Потом лампа начала чадить. Масло кончалось.

- Можно спросить? - сказала Мерит.

- Спрашивай.

- Вы сказали, что вас привели сюда в семь лет. А в ночь? Когда вас повели в ночь в первый раз?

Наследник откинулся на спинку скамьи. Долго молчал.

- Тоже в семь, - сказал он наконец. - Через месяц. Жрецы повели нас с братом. Пентаверу было три, его несли на руках. Мы вошли через гробницу деда. Первый час, павианы, мёртвые у реки. Брат смеялся. Ему всё нравилось. А я... - Он замолчал.

- А вы?

- А меня повели во второй час, - сказал наследник. - Туда, где ладья кормит мёртвых. Ты видела. Ты знаешь. Поля, колосья, лодки с зерном. Мёртвые жнут и смеются.

- Видела.

- Я стоял и смотрел на них, - сказал он. - А потом спросил у жреца: почему у нас наверху не так? Почему у нас наверху есть люди, которые голодают? Мне было семь лет. Я видел голодных детей - у ворот храма, когда мы ехали мимо. Жрец сказал, что так устроен мир. Что наверху не может быть как внизу. Что так было всегда.

Он помолчал.

- Я тогда решил, - сказал он тихо, - что, когда вырасту, сделаю так, чтобы наверху было как внизу. Хотя бы немно-

го. Хотя бы для одной деревни. - Он посмотрел на неё и вдруг чуть заметно усмехнулся. - Глупое решение. Семилетний мальчик. Теперь мне двадцать семь, и я считаю мешки, которые украли, и пишу отчёты, которые отец не читает. И единственная деревня, которой я помог, сидела у храмов полгода, прежде чем я узнал.

- Вы узнали, - сказала Мерит. - И поехали к амбарам. Сами. И поругались с отцом. И сказали, что продадите лошадей.

Наследник поднял бровь.

- Аменнахт, - сказала Мерит. - Он напился на празднике долины.

- Ему велели не записывать.

- Он и не записал. Он просто рассказал. Отцу. Своему, мёртвому. Очень громко.

Наследник смотрел на неё. Потом вдруг засмеялся - тихо, коротко, - и впервые смех не оборвался сразу. Он смеялся, качая головой, и лицо у него было совсем молодым, и Мерит подумала, что, наверное, таким оно было в семь лет. Когда он стоял на краю поля во втором часу ночи и решал, каким станет.

Лампа погасла.

В темноте было слышно, как он дышит. Совсем рядом. Через стол.

- Хаи, - сказал наследник громко, не двигаясь. - Свет.

Дверь открылась, и в проёме появился привратник с фа-

келом.

* * *

Пентавер пришёл на следующий день. Без подарков. Это было так непривычно, что Тамит, открыв ему дверь, растерянно оглядела его с ног до головы, будто искала, куда он спрятал шкатулку.

Он был бледен. Под левым глазом у него темнел синяк - небольшой, уже желтеющий по краям. Он сел на скамеечку у ног Мерит, как всегда, и долго молчал.

- Что случилось? - спросила Мерит.

- Ничего. - Пентавер коснулся синяка, поморщился. - Упал с колесницы. Лошадь понесла.

- Ты хорошо правишь.

- Обычно. - Он попытался улыбнуться. Не вышло. - Мерит. Можно я посижу просто так? Ничего не говоря?

Она кивнула. Он сидел, глядя в пол, обхватив колени руками, как сидел когда-то Хуи, когда был голоден. Потом сказал, не поднимая головы:

- Иногда мне кажется, что я живу чужую жизнь. Как будто кто-то нарисовал меня на стене, и я хожу по нарисованному. Улыбаюсь там, где нарисована улыбка. Дарю ожерелья там, где нарисованы ожерелья. А сам... - Он замолчал.

- А сам?

- А сам не знаю, где я. - Он поднял голову и посмотрел на неё, и глаза у него были мокрыми. - Ты знаешь, кем я хотел быть, когда был маленьким? Садовником. Правда. У матери

был сад, и там был старый садовник, нубиец, и он учил меня сажать гранаты. Я хотел всю жизнь сажать гранаты. - Он засмеялся сквозь слёзы. - Царский сын. Садовником.

Мерит молчала. Потом протянула руку и коснулась его волос. Он закрыл глаза.

- Пентавер, - сказала она тихо. - Кто тебя ударил?

Он не ответил. Посидел ещё немного. Потом встал, вытер глаза ладонью и улыбнулся - почти как прежде, почти весело.

- У меня для тебя подарок, - сказал он. - Не шкатулка. Лучше. - Он помолчал. - Ты спрашивала про Нефрет-Мут. Ливийку из дома царских женщин. Я поговорил с матерью. Она разрешила тебе прийти к ней. Завтра. В сад.

Мерит застыла.

- Зачем?

- Я подумал, тебе будет интересно, - сказал Пентавер, не глядя ей в глаза. - Она ведь тоже чужая здесь. Как ты.

* * *

Сад дома царских женщин был тем же, что в первый раз: гранаты, пруд с лотосами, птицы в клетках, запах цветов и жареного мяса. Но на этот раз Мерит шла не одна, а со служанкой госпожи Тийе - молчаливой, высокой, - и служанка провела её в самый дальний угол сада, к пруду, где гранатовые деревья росли так густо, что их ветви сплетались над головой.

- Жди здесь, - сказала служанка и ушла.

Мерит ждала. Нехт сидел у неё в складках одежды ти-

хо-тихо.

Она вышла из-за деревьев. Та самая женщина. Высокая, худая, с длинной прядью у виска и выцветшими узорами на руках. Остановилась в трёх шагах.

Они смотрели друг на друга.

Мерит видела её лицо. Морщины у глаз. Тонкий шрам на подбородке. Седину в волосах. И глаза - светлые, сухие, гордые. Так смотрят на лошадь, прежде чем купить. Прямо и сверху вниз.

Я помню, мне стало обидно, - сказала мать. *Я подумала: ты отдаёшь мне своего ребёнка и ещё смотришь так, будто я тебе должна.*

- Ты знаешь, кто я, - сказала женщина. По-египетски, с растянутыми словами, с чужим выговором.

- Знаю, - сказала Мерит.

- Откуда?

- Мне рассказали. Мать. Та, которая взяла меня из лодки.

Женщина долго молчала. Потом медленно, будто боясь спугнуть, протянула руку и коснулась бусины у Мерит на груди. Пальцы у неё дрожали.

- Тёплая, - сказала она. - Всё ещё тёплая. Двадцать лет.

- Она всегда тёплая.

- Я знаю. - Женщина отняла руку. - Мне так сказал твой отец. Тогда. Он сказал: «Она всегда тёплая».

Она села на камень у пруда. Мерит села рядом. Между ними было расстояние в локоть. Ни та ни другая его не со-

кращала.

* * *

Её звали Тазири. Она сказала это сама, сразу, будто проверяя, как звучит.

- Не Нефрет-Мут, - сказала она. - Тазири. Это значит «луна». Здесь меня так никто не зовёт уже двадцать лет.

- Тазири, - повторила Мерит.

Женщина вздрогнула. Отвернулась к пруду. Мерит видела, как у неё напряглась шея.

Они говорили долго. Тазири рассказывала про пустыню. Про шатры из козьей шерсти, про колодцы, которые знает каждый ребёнок. Про отца, вождя Капера, который учил её ездить верхом, хотя девочкам это не полагалось. Про то, как она в восемь лет обогнала на кобыле старшего брата и он неделю с ней не разговаривал.

- Я хотела быть как отец, - сказала она. - Водить людей. Решать, где ставить шатры. Говорить с другими вождями. - Она засмеялась коротко, зло. - Девочка. Дочь вождя. Хотела водить людей. А меня привели сюда и дали египетское имя.

Мерит слушала. И видела - не женщину на камне у пруда, а девочку на кобыле, с косами по ветру, обгоняющую брата в пустыне.

- А мой отец? - спросила Мерит. - Кто он?

Тазири помолчала.

- Лучник, - сказала она. - Египтянин. Сын рыбака. Он охранял пленных, когда меня взяли. - Она помолчала. - Он

спас моего брата. Встал перед тремя копьями и не дал заколоть. Нёс его на себе до лагеря. Он был хороший человек. Лучше других. Единственный из них, кто смотрел на меня не как на добычу.

- Где он сейчас?

- Близко, - сказала Тазири. И больше ничего не сказала.

* * *

Потом она повернулась к Мерит. Лицо у неё стало другим - жёстким, решительным, как у вождя, который говорит с другими вождями.

- Слушай, - сказала она. - У нас мало времени. Скоро вернётся служанка. Я должна тебе сказать.

- Что?

- Ты Хранительница. Я знаю. Все знают. - Тазири смотрела ей прямо в глаза. - Ты признаешь одного из царевичей. Когда старый умрёт. А он умрёт скоро. - Она помолчала. - Признай Пентавера.

Мерит почувствовала, как у неё холодеет внутри.

- Почему?

- Потому что госпожа Тийе обещала мне свободу. Мне. Твоему отцу. Тебе. - Голос Тазири был ровным и твёрдым. - Если Пентавер станет фараоном, я выйду отсюда. Мы будем жить у реки, в дельте. Втроём. Как семья. Двадцать лет, Мерит. Двадцать лет я сижу за этими стенами. Я хочу увидеть пустыню перед смертью.

- А если госпожа Тийе лжёт?

Тазири долго молчала.

- Может быть, - сказала она. - Наверное. Все здесь лгут. - Она взяла Мерит за руку - впервые, крепко, до боли. - Но другой надежды у меня нет. Понимаешь? Нет. Только эта.

Мерит смотрела на её руку. Тонкую, сильную, с выцветшими узорами. Руку, которая двадцать лет назад повязала ей бусину на шею и сказала одно слово на непонятном языке.

Мать у тебя такая же, - вдруг подумала она. *Тоже просит. Как все.*

Тебе это скажут все. Мать твоего друга. Твой отец, когда найдётся. Твой друг, когда устанет ждать.

Хор не сказал «мать». Хор не знал. Или знал, но не сказал.

- Я подумаю, - сказала Мерит.

Тазири отпустила её руку. Посмотрела на неё долгим взглядом. И вдруг улыбнулась - коротко, горько, совсем по-другому.

- Ты как он, - сказала она. - Твой отец. Он тоже всегда говорил «потом». Когда не хотел говорить «нет».

Из-за деревьев вышла служанка госпожи Тийе.

Тазири встала. Выпрямилась. Пошла к служанке прямо, с поднятой головой, как идут к своему шатру. На полпути обернулась.

- Мерит, - сказала она. - Это хорошее имя. Любимая. Скажи той женщине, которая тебя так назвала... - Она запнулась. - Скажи ей спасибо.

И ушла.

* * *

Мерит вернулась в восточное крыло на закате. Шла медленно, не видя дороги. В ушах звучал голос с растянутыми словами.

Признай Пентавера.

Её нашёл Пентавер. Он ждал у входа в восточное крыло, взволнованный, нетерпеливый.

- Ну как? - спросил он. - Вы поговорили?

Мерит посмотрела на него. На синяк под глазом. На руки, которые он не знал, куда деть.

- Ты знал, - сказала она.

- Что?

- Ты знал, кто она. Ты знал, что она скажет. Твоя мать знала. Вот почему разрешила.

Пентавер побледнел. Открыл рот. Закрыл.

- Мерит...

- Это был подарок, - сказала Мерит. - Ты сказал - подарок. Лучше шкатулки.

- Я не знал, что она скажет, - сказал Пентавер быстро. - Клянусь. Мать сказала, что ливийка просила увидеть тебя. Что это доброе дело. Что тебе будет приятно. - Он схватил её за руку. - Мерит, я правда не знал. Я думал...

Он замолчал. Мерит смотрела на него. Он смотрел на неё. И она видела, как у него в глазах что-то борется - что-то, что хочет сказать правду, и что-то, что привыкло говорить половину.

Половина победила.

- Я думал, тебе будет приятно, - повторил он тихо.

Мерит отняла руку.

- Спокойной ночи, Пентавер, - сказала она.

И ушла в восточное крыло. Не оглядываясь.

* * *

У ворот восточного крыла стояла новая стража.

Мерит заметила это не сразу - только когда прошла мимо. Раньше здесь стояли дворцовые стражники, египтяне, в белых набедренных повязках, с короткими копьями. Теперь у ворот стояли другие. Смуглые, загорелые до черноты, с длинными нубийскими луками за спиной. Лучники.

- Новые, - сказала Тамит, выбегая ей навстречу. - Сегодня поставили. Говорят, из Куша. Привезли дань и остались. Говорят, их сам писец визиря прислал. Сказал, что после той истории с восковой куклой Хранительницу надо охранять лучше. - Тамит хихикнула. - Там один такой молоденький. Светловолосый. Сарду зовут. Я спросила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.